

Б. Иванов

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ... ТУПИК ИЛИ  
СПАСЕНИЕ?

В журнале "Часы" № 64 Владимир Ханан выступил со статьей "Круги на почве культуры", в которой он полемизирует с моими высказываниями на дискуссии, развернувшейся вокруг доклада Б.Останина и А.Кобака "Молния и радуга": пути культуры 60-80-х годов", прочитанного ими осенью прошлого года. /См. "Ч" № 61/. Любой спор есть способ прояснения позиций, и я, возражая своему оппоненту, хотел бы насколько возможно яснее изложить свою. Однако, я не стану подробно излагать то, что писал на темы, затронутые в дискуссии, в последние пять-десять-пятнадцать лет. Замечу, что идейное пространство и культурные ориентиры для меня за это время /с работы 1973 года "Две ориентации. Общество", опубликованной в "Ч" № 1 / не изменились. Этим я хочу подчеркнуть, — каковы бы ни были мои взгляды, они ни тогда — пятнадцать лет назад, ни теперь не были конъюнктурными ни в простительном, ни в плохом смысле этого слова.

В.Ханан считает, что мои упреки С.Магиду за политичность его выступления /упрек я делал не только С.М./ напрасны. Я говорил о недостатках выступлений "политиков" совсем не потому, что они содержали политический смысл, а потому, что богатая сложная картина культурного развития страны сводилась к "разряженному ряду политических событий". Получался схематизм, мало отличный от вульгарных политикообразных схем официальной пропаганды, схематизм, показывающий, что мы остаемся в плену представлений, будто политика — это то, что не может быть обременено каким-либо сложным содержанием. Может быть, ни в какой другой области мы не находимся на такой детской стадии развития, как в политике, требующей высокопрофессиональных знаний.

Что такое политическое мышление и политика вообще? Политическое мышление — это мышление человеческими сообществами; политика — сфера знания, выясняющая, описывающая, анализирую-

щая соотношения и закономерности, возникающие из фактического существования этих сообществ. Многообразие, многочисленность, подвижность сообществ — профессиональных групп и классов, религиозных конфессий, политических партий, кружков, национальные и государственные единства... — одно это указывает на чрезвычайно непростую сферу политической действительности и политической мысли.

Советский человек не владеет даже азами политической культуры и это объяснимо, — сфера политической деятельности отчуждена от него. Не обладая ни политическим опытом, ни политическими знаниями, он находится во власти политических предрассудков — представлений неверных, односторонних, вульгарных, одним словом, неадекватных политической реальности. /Отсутствие знаний по медицине не означает, что мы никак не объясняем, почему у нас плохой аппетит или по утрам болит голова/.

Для управления возникает соблазн широкой и небескорыстной эксплуатации политического невежества /с намеренной, дезинформацией относительно действительного политического положения/ и появления таких лидеров, о которых в библейские времена говорили: "слепой ведет слепых" /Общество "Память"/. Один из политических предрассудков можно сформулировать так: если у А. нос не такой, какой у Б., то, следовательно, А и Б политико-социально враждебны друг другу". Любое натуральное различие между людьми для примитивного политического сознания служит поводом для политической спекуляции. Отсюда, например, следует, что антисемитизм и антируссизм совершенно неизбежны в нашем обществе на нынешнем уровне его политической культуры. Чем выше культура, тем маловероятнее превращение в предмет политической мысли неполитического содержания. Неразвитое политическое сознание действительные явления, относящиеся к взаимоотношениям между слоями, группами социума, анализу и осмыслению не подвергает. Приведу локальный пример политической неграмотности.

Недавно "Советский писатель" /издательство/ предложило

некоторым писателям-неофициалам войти в общественную редколлегия, которую оно при себе организовало. Среди этих писателей были и члены КЛУБА-81. Писатели приняли предложение, ничуть не сомневаясь, что они действительно стали в издательстве представителями литературной общественности. "Литературная газета" проинформировала своих читателей, что при "Советском писателе" образована общественная редколлегия. Однако, проанализируем, что же произошло на самом деле?

Образованная редколлегия никак не может быть названа общественной. Чтобы быть "общественной" редколлегия должна быть общественностью и выдвинутой. Для того, чтобы выдвижение могло состояться, должна существовать общественная организация, своих представителей выдвигающая, или такую организацию стоило создать, хотя бы для выдвижения этой редколлегии. Нам еще предстоит осмыслить, что без общественных организаций общественное мнение не существует; за "общественное мнение" сейчас выдают мнения частных лиц. Как частных лиц, а не представителей общественности /КЛУБА-81/, писателей и пригласили принять участие в работе издательства. То есть новообразованное подразделение издательства "СП" должно было бы носить название "нештатной редколлегии", какими, например, являются бригадмилы — люди добровольно помогающие работе милиции, или "общественные" контролеры торговли — они выполняют обязанности, числящиеся за штатными работниками торговли.

Почему издательство не назвало эту редколлегию согласно её реальному статусу? Из хронической привычки к политическому очковтирательству, из многолетней практики сверху определять, кто будет "представлять" то-то и тех-то, и кто за что должен говорить, голосовать и пр. Когда начальство предлагает человеку быть "представителем", он понимает предложение как знаки благоприветствования и знает, что никто не станет его уличать в фальшивости его представительства, потому что общественности, как таковой, нет, — до последнего времени не было. И так уж важна щепетильность в отношении названия!..

.. Так создается псевдообщественность и имитация представи-

тельствва, символы якобы существующей демократий.

Не трудно понять разницу между положением действительного представителя общественности /от которого общественность может потребовать отчет, поставить перед ним задачи, связанные с коллективными интересами, взять, в случае надобности, под коллективную защиту, наделить теми или иными полномочиями/ и — просто частным человеком, которого легко привлечь к нештатной работе, "к представительству", так и легко отстранить, даже не давая каких-либо объяснений. Псевдообщественный представитель может вести себя в высшей степени порядочно, защищать коллективные интересы — как он их видит, и защищать с успехом. Но это будет порядочностью и инициативой частного лица.

Приведу еще пример политической эксплуатации неполитического содержания. Официальная литературная критика десятилетиями использует прием политического толкования художественного творчества — то есть целиком базируется на политических предрассудках. Логика внутренней рецензии Д.Хренкова на сборник КРУГ была такова: — глядите, они пишут бессюжетную прозу, следовательно, у них нужно отобрать советские паспорта /как свора лысенковцев требовала уничтожения генетиков по политическим мотивам/. Такой вывод может последовать и в связи с отказом поэта пользоваться знаками препинания, — по любому признаку отличия. Рецензия Васильева в "Нашем современнике" вносила нюанс: — паспорта отбирать нужно не только у такого-то автора /Улановской или Кожевникова/, а у "них" — у авторов сборника, то есть у группы. Группа заговорщицкая, разумеется, создается политическим воображением критика. Группа обличается и приговаривается к уничтожению — "народу они не нужны".

Упомянутый доклад БХ Б.Останина и А.Кобака был ориентирован на общие характеристики "т е к с т о в". Строго говоря, они увидели различие в п о к о л е н и я х т е к с т о в, а не в возрастных поколениях. С.Магид говорил о различии в возрастных поколениях — это не одно и то же. Нельзя сказать;

"мы сняли шинели и стали писать стихи без рифмы". Или что-то такое. Политический анализ культуры возможен, но требует особого интеллектуального инструментария. Я высказывался против подмены проблем культуры изложением политических предрассудков, которые не становятся чем-то другим, если предлагают рассматривать культурные процессы, зависящими от двенадцатилетнего цикла: 1956-1968-1980. У Магида культурные вехи лежат за пределами российских равнин. Правозащитная деятельность в СССР была следствием антисталинизма, а то, что называют "религиозным ренессансом" было продолжением культурной работы по "связыванию времен". Очевидно, что и перестройка - чисто российское явление и по сути, и по форме.

Читатель вправе меня упрекнуть в том, что я высказываю свою точку зрения более пространно, чем того требует спор: обмен соразмерными репликами. В.Ханан пишет о политике буквально несколько слов; главная тема моего оппонента - культура. Но при рассуждении на эту главную тему он, на протяжении всей статьи, одним колесом двигается по колее политической. Это статья об официальной и неофициальной культурах, их соотношениях, содержит мысли, сходные с учением В.И.Ленина о двух культурах. В.Ханан утверждает то, что утверждали многие: "вторая культура" - единственно подлинная культура, официальную культуру следует рассматривать не иначе, как "некультуру", "антикультуру". Критик прибавляет дополнительные аргументы: официальная культура мертва, потому что она атеистическая. Аргумент серьезный, но не делающий позицию В.Ханана более удобопонимаемой и менее спорной. Однако, начнем сначала.

В своих рассуждениях В.Ханан хочет опереться на положение, которое, на его взгляд, отделяет культуру от некультуры. Приведем его полностью.

~~написано~~ "Культура, как я полагаю, есть утверждение иерархически выстроенного ряда ценностей, причем, варианты этого утверждения, естественно, многообразны. Я не нахожу более точного обозначения для этих ценностей, чем обозначение религиозные. /Это, разу-

меется, не следует толковать примитивно, т.е. используя мысль Б.И.Иванова — религиозная идеология не должна диктовать ТЕХНОЛОГИЮ создания фактов культуры/. Культура создается в процессе свободного творчества. Творец культуры свободен в изложении своих идей, мыслей, чувств и т.п. Цензура же — там, где она существует без камуфляжа — является естественным условием бытования культуры в системе государства в нашем несовершенном мире и несет функцию охранения христианских ценностей в христианском государстве /говоря о христианской ойкумене/."

"Мы живем в ситуации принципиально иной, — продолжает Ханан, — официальная культура антирелигиозна, мораль сиюминутна". Культура живет "в рамках жесткого социального заказа", само слово "культура" в контексте такой действительности может быть лишь номинально, при написании его нужно брать в кавычки. Таков, в сущности, вывод критика.

Вернемся к вышеприведенной цитате и попробуем рассмотреть её внимательно. Так уж уверенно можно опираться на "положение о культуре" /так его назовем/? На мой взгляд, с таким посяхом не удержаться на ногах и двух шагов. Ханан рядопологает утверждения, которые принципиально исключают друг друга. С одной стороны, культура для него "утверждение иерархически выстроенного ряда ценностей", с другой, — "творец культуры свободен в изложении своих идей, мыслей, чувств и т.п.". Как так можно! Либо "иерархически выстроенный ряд ценностей" и, следовательно, мы говорим о чем-то надличностном, тогда не приходится говорить о свободе творца, либо сам "свободный творец" создает свою собственную субъективную систему ценностей и тогда его личность в иерархии ценностей, очевидно, должна занимать высшую точку. Воззрениям уважаемого оппонента явно недостает исторического понимания культурных процессов; в одном положении о культуре он соединил и начальный момент в развитии культуры Европы, её христианский базис и итог её развития, доставившего полную свободу в том числе и атеизму.

Любая культура возникает на развалинах старой и обязана своей способностью к историческому выживанию силам, которые её интегрируют. Силы интегрирования действуют путем установления жесточайшего режима принуждения провозглашенным ценностям. На развалинах римской империи ~~христиане~~ христиане действовали огнем и мечом, изгоняли иноверцев, разрушали их города, искореняли материальные и духовные предметы старой культуры.

В.Ханан, надеюсь, со мной согласится, — о свободном творчестве в сии времена горячей религиозной нравственности" говорить не представляется никакой возможности. Двадцатые-тридцатые годы в СССР могут служить прекрасной иллюстрацией к тому, как поступали носители новых этических ценностей сотни и тысячи лет назад. Критик знает, что уничтожение и дискредитация старой русской культуры также проводилось во имя торжества ценностей новой. И, как знает мой оппонент, в эти ценности следовало безоговорочно верить. Да, марксизм — это не религия, это идеология, но функция, которую идеология в стране выполняет, та, что принадлежала прежде самодержавно-православной концепции Бога, власти и народа.

"Свобода творца" — это один из результатов развития христианско-европейской культуры, которая равноправно в себя включает и мать Терезу, и Пикассо, и Сартра, для которых Бог умер. Но если быть внимательным не к тому, что у соседа за забором, а к тому, что переживали и переживаем мы в России, то представится соотношение прямо-таки обратное: не из Европы ли в православную Россию пришел деизм и атеизм? Маркс — саратовский мужик, и Ницше — не калужский чиновник. Концепция религиозной Европы и безбожной России совершенно не выражает полноту действительных исторических <sup>как у чужих Хлодасов</sup> взаимодействий. Если на христианском традиционном базисе Европы возможно было возникновение атеизма и правового государства (с отделением <sup>самой</sup> церкви), то почему нельзя понять критику себя как "атеиста" социализма? Почему невозможен взгляд на правозащитное, например, движение как борьбу за правовое государство? Да, пироги не готовы, но мука есть.

Мне приходилось писать о философском скептицизме в связи

с темой формирования личности. Аксиома такова: индивид не может родиться как личность, не подвергнув общество, его историю и действительность, скептической редукции. Общество — при этой редукции — предстает, как гигантская машина обезличивания, и это так, потому что и в семье, и в школе, и в социуме в целом его загружают представлениями, каким он должен быть, чтобы стать кем-то. Между тем, как формирование личности имеет другую направленность: ни в коем случае не быть кем-то заданным, но — самим собой. Безличное "ман" социума предстает для личности не в виде некоторой объективной и нейтральной вещественности, а чем-то таким, что представляет для индивида угрозу, стремится захватить его сознание, оккупировать "иерархией ценностей" /не важно, в данном случае, какой/. Эта борьба идет и п р о т и в и с т о р и и за право на свою биографию, — то есть за право быть свободным творцом, а не марионеткой служб и учреждений.

Чаадаев — высокое проявление такого философского скептицизма. Он один из первых л и ч н о с т е й в русской культуре. Его письма действительно "философские", а не письма историка, ученого. Пушкин, который также, как известно, пережил внутреннее ниспровержение культурных идолов и фетишей, расхожей морали, тем не менее, не согласился с Чаадаевым, со своим бывшим авторитетом юности. Не согласился как историк. Ибо в русской истории он видел борьбу великих характеров, великих страстей, борьбу добра со злом. /"Борис Годунов", "Полтава", "Капитанская дочка".../. Я хочу <sup>даже</sup> предложить оппоненту совет: не рассматривать Чаадаева как историка. Его выводы, не есть выводы, достойные возбудить религиозное отвержение всей русской культуры. Но дело не только в этом.

Если философский скептицизм неизбежен при формировании личности и, следовательно, культурные выражения скептицизма — Вольтера, например, или Чаадаева, — вписывались и вписываются до сих пор в духовную биографию многих российских интеллигентов, всё же, сам процесс формирования личности скептицизмом не завершается. Индивид становится личностью только тогда,

когда, понимая свою единственность, не только поносит окружающую действительность, но и реализует в этой же действительности свои потенции. Каждому из нас угрожает ловушка: всю жизнь потратить на коллекционирование поношений своего времени, среды, страны и не реализовать себя ни в малейшей мере. Человек может до конца дней своих вести игру "Деревянная нога". /её вариант: "Ну что можно ожидать от человека, живущего в таком обществе". / X) Упорный скептицизм, разумеется, не надуманный, служит, вместе с тем, оправданием своего безделья, отказа от ответственности, инфантильного гедонизма. Примеры, которые приводятся для того, чтобы доказать: мир не настолько плох, что ничего <sup>Утиса Кингесса</sup> нельзя делать, никогда не являются в глазах человека, играющего в "деревянную ногу", достаточно убедительными, ~~они либо незначительны, либо не дают гарантий на счастливое будущее.~~ Во всяком случае, игру следует продолжать. Наши игроки, очевидно, забывают, что демократия в Европе утверждалась величайшими усилиями и великими жертвами. Понятно, что демократизация страны также требует от нас жертв, в то время, когда её на Западе сверх головы. Может возникнуть обиженное удивление: "Какой черт дернул меня родиться в России"... а не за Одером.

Однако, как выясняется из статьи В.Ханана, дело обстоит не совсем уж плохо. Культура в стране все-таки существует и культура эта - неофициальная. Поскольку культура подлинная ~~или~~ лишь та, которая основывается на религиозной основе - так утверждает оппонент, - неофициальная, - приходится делать такой вывод, - христианский фундамент имеет. Однако, насколько известно, обольщаться на этот счет не приходится. К самым ранним неофициалам города, пожалуй, следует отнести кружок Арефьева-Р.Мандельштама, в который входили художники Р.Васми, Гудзенко, Герасименко и др. Это начало и середина 50-х. Если говорить <sup>об этом кружке</sup> о 60-х (вспомним творчество тех лет И.Бродского,

X) Термин известного швейцарского психолога Э.Бёрна, автора книги "Игры, в которые играют люди".

Д.Бобышева, Л.Аронсона, ~~М.Шошанина~~, Р.Грачева) у большинства литераторов и художников нет и следа религиозных воззрений и чувств. Говоря о 70-х, можно было бы напомнить о тех яростных дискуссиях, которые вели "чистые" христиане против культуры. Отражение их можно найти в номерах журнала "37". ~~Мне интересно, о свои усилия и публикации своих коллег, в том числе В.Кришна, рассмотреть как предательство и отступление и отказаться от дальнейших.~~

"Христианство и культура" - острейшая тема религиозно-философского семинара примерно с 1973 по 1977 год. Неофициальная гуманитария, как тогда уже было видно, наследовала не религиозность, а свободу и независимость. Не случайно начало века - век свободы, модернизма, индивидуализма - было поистине золотым веком для мальчиков и девочек 60-х и 70-х годов. Свобода не препятствовала одним увлекаться учением Р.Штернера, другим - Кришна-Мурти, третьим - культуризмом, четвертым - христианством. "Часы", которые в течение десяти лет регистрировали все более или менее значительные тексты в культурном движении, показывают, что спектр интересов неофициалов был весьма и весьма широк. "Религиозный ренессанс" еще более его расширял. Авторы доклада "Молния и радуга": пути культуры 60-х-80-х гг." правы, оставляя за 80-ми - плюрализм и релятивизм. Свобода устремлений открывала дорогу дифференциациям - личным и культурным. И свобода приемлет как своих законных детей все свои собственные порождения. Нет, граница, разделяющая официальное и неофициальное искусство, пролегает не так, как это представляется В.Ханану. Остается ощущение, что критик не столь стремится следовать фактам, сколько дорожит однажды навестившей его мыслью.

С точки зрения политической, неофициалы никогда не пылали надеждой на союз с официальной культурой. ("Старик" помнит закат славы Теннадиева как только он вступил в ЛОСХ). Но во все, даже самые тяжелые времена, независимые поэты, прозаики, художники, музыканты, философы никогда не поджимали губы, - искали аудиторию, имели аудиторию и дорожили ею. "Бульдозерная выставка", история с поэтическим сборником "Лепта", неис-

301.

товая борьба художников ТЭИИ за право показывать свои работы современникам не оставляют сомнений на этот счет. И "КЛУБ-81" был создан главным образом, чтобы выступить публично и завоевать право на публикации. Поэтому, когда на дискуссии В.Кривулин стал говорить о том, что <sup>и</sup> выход сборника КРУГ был "отступлением" и "предательством", <sup>я попросил</sup> Кривулина пояснить: если мы стступили, то от чего, если предали, то что. Отчет дискуссии отразил отсутствие каких-либо ответов у Кривулина.

Какие бы недостатки в сборнике мы не находили, произведения, в него включенные, не были написаны "на заказ", у многих из них был солидный возраст — 10-15 лет. Вещи предлагались самими авторами, и часто — относились к числу лучших /Стихи Е.Игнатовой, С.Стратановского, О.Охалкина, В.Кривулина/. Возможно, Кривулин, публиковавшийся до выхода КРУГА только на Западе, испытал утрату своей "девственности". Но вряд ли его переживания важны при характеристике, в общем, простого литературного факта — были опубликованы произведения, являвшиеся до этого достоянием там-и-сам-издата.

Как я не вращал маховичок микроскопа, так и не сумел в том движении, к которому принадлежу, <sup>сдел</sup> найти хоть след какого-то отступления и предательства, — напротив, всё время в окрестностях лез микроб другой — упрямой культурной экспансии, какого-то шокирующего неумения ~~ла~~ лавировать или <sup>даже</sup> во время промолчать, в чем упрекали нас благожелатели. Как бы ни был скромнен сборник КРУГ — борьба сторон, учреждений /одинадцать инстанций!/, лиц, — всё это было частью по-настоящему важной, а главное, реальной историей культурного процесса — подчеркиваю, — п р о ц е с с а. Я не понимаю, как можно говорить о культуре, не беря в соображение п о с л е д о в а т е л ь н о с т ь действий исторически значимой силы. По рецензиям Хренкова /внутренней/, Васильева в "Нашем современнике", Казинцева в "Литературной учебе" и его же в "Нашем современнике" видно, что КРУГ не был для них "кругом на воде", а стрелой, проткнувшей свинячью щетину этих погромщиков от литературы.

/Не случайно им потребовалось припомнить язык 37-го года/.

Приняв культурную экспансию за "отступление и предательство", критик, естественно, не в состоянии увидеть в ней начальный этап более широких культурно-демократических процессов гуманистического и реформационного толка. Очевидно, что значение культурного движения продолжает возрастать. Это доказывается тем, что самиздатные издания уже далеко превзошли по объёму публикуемых материалов три главных ленинградских журнала (их сейчас более десяти). Публику можно собрать только на чтение независимых авторов, если не считать знаменитостей. Ожидается в ближайшие ~~годы~~ два года появление книжек Кривулина, ОХалкина, Игнатовой. Получили прописку музыканты, которых ~~ещё~~ недавно нам, литераторам, приходилось защищать. Выставки неофициалов, в том числе с продажей картин, уже никого не удивляют. Все эти факты, может быть недостаточно объёмные, но говорящие бесспорно не о свертывании независимого творчества. Я вполне скептически оцениваю ~~и~~ масштабы движения. Качество многих произведений не удовлетворяет, но я не могу себе позволить принципиальную глухоту и слепоту. Я не могу уподобиться тем радётелям России начала века, которые могли говорить о стране только гадкое, — ни расцвет её науки и искусства, ни бурное развитие её экономики, ни прогресс в деле гражданских свобод не примиряло их. Для меня дорог любой шаг гуманизации нашей страны, ибо я знаю, с каким трудом это даётся.

Читая ХАнана можно подумать, что Иванов — раз он произнес слово "почва" — изнывает от умиления перед березками и <sup>утраченными</sup> клёнами. А на деле? На деле, некоторое количество лет назад передо мной возник вопрос: может ли в этой стране, в эту эпоху существовать независимая гуманитария, существовать и развиваться. Для того, чтобы проверить эту возможность, я пустил бумажный кораблик — "Часы" и стал создавать со своими друзьями микромодель свободного литературного дела. Для меня, как и для агронома, "почва" — реальность, а не идеологический муляж. Моя задача заключалась не в выяснении, кого

поносить и кого боготворить, но по ходу эксперимента делать реалистические выводы и двигаться дальше. Что можно было сказать по поводу этого опыта через пять-шесть лет? В России в последней четверти XX века свободная гуманитария существовать может, — существовать легально, гласно, выдвигая требования на полноправное участие в жизни страны. Высказывая этот вывод три, четыре года назад, я шокировал многих своих коллег, которые не могли никак усвоить ту простую мысль, что появление самой неофициальной культуры говорило не о кризисе системы, а о её способности к развитию, "не обнаружение культурного тупика, а новой перспективы". Признание неофициального искусства, "приобретение им социального статуса" не изменяет основных его питающих истоков. Эти истоки следует искать не на поверхности социальных коллизий, а в глубине не "культурологических" процессов, которые претерпевает не какая-то случайная группа художников, писателей и пр. гуманитариев, а сама наша отечественная культура, что позволило мне назвать культурное движение "встроенным в наше время". /Из выступления на весенней конференции 1985 года "Общественная функция культурного движения"/. И ещё одна мысль, которую я считал и ~~или~~ считаю важной: сама <sup>система</sup> /система /систему я назвал традиционной/ — такова, что ~~сама~~ <sup>сама</sup> служит почвой для культурного движения, поскольку порождает такие проблемы, которые <sup>сам к</sup> разрешить не в состоянии, и сваливает их на нас.

Нигде и никогда я не ставил знака равенства между официальной культурой и неофициальной, тем более в "этической плоскости". /См. например, последнюю главу статьи "Реализм и личность", "Ч" № 38/. Однако, В.Ханан ссылается на моё конкретное высказывание и, стало быть, его нельзя обвинить в голословности. "Достигнув определенной степени самосознания, — приводит он мои слова из выступления в дискуссии, — нельзя по-прежнему просто говорить об официальной и неофициальной культуре. Почему? Да потому, что и то и другое так или иначе относится

к нашей культуре. Вот точка зрения, на которой трудно удержаться, но которая *продуктивна*". Разумеется, критик понимает, что в этом высказывании не утверждается равенство между официальными и неофициальными, но считает, что "по сути" это означает равенство. То есть, Иванов сказал одно, а следует подразумевать другое. (Напоминает такое использование "по сути": "Гражданин Петров пишет о вяточничестве, но по сути клеветает на государственный и общественный строй"/.

Я сказал то, что хотел сказать. Уже недостаточно говорить о том, что есть ангажированная культура и есть культурное движение — творчество независимых гуманитариев. Недостаточно, потому что сейчас неофициальное искусство стало фактом даже для чемпионов исторической спячки. Достигнув осознания себя, своей общественной и культурной миссии, неофициальная гуманитария, на мой взгляд, не может ограничиться отрицанием ведомственного цехового, отсталого характера культурной политики официалов, должна понять себя не в пределах своей цеховщины, а стать носителем нового понимания общества — именно *н о в о* — *г о*, а не старого, отречься в своих идеологемах от нетерпимости — быть носителями духа гуманизма. Было бы величайшей глупостью, проявляя все виды презрения и неприятия официальности, ожидать, когда появится некто Третий, который все-таки проявит понимание сторон, позволит каждой стороне думать, то, что она считает правильным, и выдаст всем мандаты на право существования. Мы не должны уподобляться тому партизану, из анекдота, который продолжает спускать поезда под откос. Наше сознание не должно питаться фактами администраторов от литературы "времен Очакова"; необходим новый уровень самосознания. Ведь для нового взгляда на общество неофициалу нужно совсем не много: разве он не говорил о необходимости плюрализма, о тяжелейших следствиях, когда свободы нет. Тем не менее, плюрализм, как показывает статья, <sup>хоча бы</sup> отсутствует не только в системе, но и в мировоззрении многих ~~официалов~~ неофициалов. Но, как заметили авторы доклада "Молния и радуга", — 80-е

Годы характеризует процесс ослабления идейных противостояний. Как показывает ход событий — вывод был весьма проницательным, ибо проявления возрастающей терпимости налицо. Официальная художественная литература и публицистика занялась критическим пересмотром концепций истории страны и переоценкой действительности. До сих пор эти функции выполняла, в основном, неофициальная гуманитария.

Я не согласен с тем, что официальную литературу нужно оценивать не по верхнему уровню, а по нижнему. В культуре, как и в спорте, важны достижения. Ещё не было случая, чтобы, например, о качестве команды прыгунов судили по результату тех, кто прыгает ниже всех.

(Продолжение следует.)